

Н. Г. ТАРАСОВЪ.

ЭККУРСІИ ВЪ ГЛУБЬ ВѢКОВЪ

ПО ПАМЯТНИКАМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО
ИСТОРИЧЕСКАГО МУЗЕЯ ВЪ МОСКВѢ.

Выпускъ I.

КАМЕННЫЙ и БРОНЗОВЫЙ ВѢКА.

Цѣна 40 к.

МОСКВА,
<http://1916.org.pl>

M.N.
2/1885

B. 4420

10.928 d88

поставщикъ двора Его Величества
и въ скорочетани А.А.Александровъ Москва
пригородный въ...
составленъ въ 1916

1916.

<http://rcin.org.pl>

Въ самомъ центрѣ Москвы, въ средоточіи напряженной, кипучей современной жизни есть мѣсто, которое хранитъ остатки жизни далекихъ отъ насъ эпохъ, гдѣ мы можемъ проникнуть въ глубь вѣковъ и познакомиться съ своеобразною, совершенно непохожею на нашу жизнь отдаленныхъ нашихъ предковъ.

Это мѣсто—Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III на Красной площади у Кремлевскихъ стѣнъ и Воскресенскихъ воротъ.

* * *

Историческій Музей возникъ не такъ давно.

Въ 1872 году въ память 200-лѣтія со времени рожденія Петра Великаго въ Москвѣ въ Александровскомъ саду, расположенномъ у подножья Кремля, была устроена большая Политехническая выставка. На выставкѣ, показывавшей успѣхи промышленнаго труда Россіи по истеченіи двухъ столѣтій, нашли себѣ хотя и скромное мѣсто также историческіе памятники. Это собраніе памятниковъ дало толчокъ плодотворной мысли сдѣлать выставку памятниковъ нашей старины, но не временную, а постоянную, не случайную, а систематическую, создать ученое хранилище памятниковъ русской исторіи и для этого организовать Историческій Музей.

Въ 1875 году Музей былъ заложенъ. Постройка его началась на частныя средства: щедрія пожертвованія дала торговая Москва. Сооруженіе велось по плану и подъ наблюденіемъ инженера А. А. Семенова, а фасадъ исполненъ по рисункамъ академика В. О. Шервуда

въ смѣшанномъ стилѣ кремлевскихъ башенъ, Коломенскаго дворца и церкви Василя Блаженнаго. Въ 1878 г. постройка была закончена.

Возведенное зданіе нѣсколько лѣтъ оставалось безъ внутренней отдѣлки до тѣхъ поръ, пока завѣдываніе Музеемъ, перешедшимъ въ казну, не было поручено графу А. С. Уварову.

Принявшись съ присущею ему ревностью за порученное дѣло, гр. Уваровъ начерталь распорядокъ внутренняго устройства Музея, отдѣлалъ сообразно выработаннымъ имъ проектамъ 11 залъ, успѣлъ ихъ отчасти наполнить памятниками старины, и въ 1883 году Историческій Музей былъ открытъ.

Задачею новаго Историческаго Музея было поставлено «собирать и хранить въ подлинникахъ, моделяхъ, слѣпкахъ, копіяхъ, рисункахъ и фотографіяхъ, разнообразныя памятники древности и старины, которые въ своей совокупности представляли бы наглядную картину и по возможности во всѣхъ частностяхъ полную картину прошлой жизни, какъ русскаго народа, такъ и народовъ, когда либо обитавшихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи».

Задача, поставленная Музеемъ, грандіозна. Надъ осуществленіемъ ея будутъ трудиться вѣка. Теперь выполнена небольшая часть ея, но и тотъ матеріаль, который собранъ тамъ наукою, громаденъ. Поэтому мы выберемъ для осмотра пока только небольшую часть и изъ этой небольшой части выдѣлимъ только наиболѣе показательное для нашихъ цѣлей.

Нашъ осмотръ мы начнемъ съ первой залы, которая включаетъ главнымъ образомъ древнѣйшіе памятники быта, найденные на территоріи Россіи.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

1-я зала.

Переступивъ порогъ этой залы, перенесемъ мысленно за нѣсколько тысячелѣтій назадъ въ ту эпоху, когда очертаніе, климатъ, растительный и животный міръ Европы и Азіи отличались отъ современныхъ, и условія жизни человѣка были совершенно иныя.

Климатъ тогда былъ болѣе влаженъ и холоденъ, почему ледники гигантскихъ размѣровъ покрывали пространства въ нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ. Ледяной покровъ въ Европѣ охватывалъ все пространство отъ крайняго сѣвера, доходя до Лондона, Дрездена, Кіева, Воронежа, Нижняго Новгорода. Вся эта площадь, слѣдовательно, и мѣстность, на которой стоитъ Москва, была придавлена ледянымъ пластомъ, толщина котораго достигала, можетъ быть, версты.

Тамъ, гдѣ кончалась ледяная пустыня, на границахъ ледника начиналась угрюмая тундра.

Почва, промерзшая глубоко, не могла питать корни. На безконечной равнинѣ желтѣли, зеленѣли сѣрѣли мхи, лишайники, и подымались жалкіе приземистые кусты ивняка, хвои и лиственницы. Среди этой тундры по окраинамъ ледниковъ бродили стада мощныхъ слоновъ-мамонтовъ съ исполинскими клыками. Грузно ступая столпообразными ногами, мамонты пригибали какъ соломѣ тотъ кустарникъ, который доставлялъ имъ пищу. Все туловище и ноги мамонта

покрыты густою шерстью рыжевато-чернаго цвѣта. Этотъ теплый мѣхъ давалъ имъ возможность выдерживать холодъ суроваго климата, при которомъ не таяли льды. Здѣсь же бродили постоянные спутники мамонта, также покрытые густымъ шерстянымъ покровомъ—носороги съ двумя рогами на переносицѣ. Жили въ это время туры-зубры и крупные пещерные медвѣди. По тундрѣ носились исполинскіе олени съ рогами, расходящимися почти на полторы сажени.

Среди такой суровой природы, окруженный сильными и опасными звѣрями, жилъ нашъ прапредокъ. Онъ постоянно находился между жизнью и смертью, былъ въ постоянной борьбѣ за свое существованіе. Не легка была его жизнь.

Отъ непогоды, отъ дикихъ звѣрей человѣку нужно было укрыться. Не умѣя строить жилища, онъ искалъ себѣ пристанища подъ скалой, въ ямахъ и пещерахъ. Но найдя пещеру, онъ не всегда ею могъ воспользоваться, не всегда она могла служить ему обиталищемъ. То пещера залита водой, то ледъ наполняетъ ее, то хотя въ ней сухо, она населена хищными звѣрями, захватившими ее ранѣе человѣка. Этихъ звѣриныхъ пещеръ, гдѣ таится мамонтъ и пещерный медвѣдь, человѣкъ избѣгалъ, какъ постоянной угрозы жизни.

Когда послѣ долгихъ поисковъ человѣкъ наконецъ, находилъ пещеру, вполне удобную, расположенную близъ рѣки, защищенную извнѣ, онъ овладѣвалъ ею надолго: нѣсколько поколѣній одно за другимъ удерживали ее за собой.

Даже лучшая пещера не отличалась большими удобствами.

Входъ, если онъ довольно широкъ, пропускаетъ свѣтъ и его полосы видны въ устьѣ пещеры, но чѣмъ дальше, тѣмъ свѣтъ становится слабѣе и сгущается мракъ. Отъ входа идетъ пониженіе. Неудивительно, что во время дождей сюда затекаетъ вода, неудивительно, что иногда и въ теплое время здѣсь бываетъ

ледь. Рѣзкая разница между температурою на открытомъ пространствѣ и въ жерлѣ пещеры: тамъ около полудня до 27° Ц., здѣсь въ то же самое время температура спускается до —0° Ц. Холодный воздухъ охватываетъ входящаго. Чѣмъ глубже, тѣмъ тяжелѣе, спертѣе и удушливѣе становится воздухъ. Запахъ сырости смѣшивается съ вонью разлагающихся здѣсь нечистотъ, гнѣющихъ отбросовъ, остатковъ мяса на плохо оглоданныхъ костяхъ.

Чтобы прогнать холодъ и согрѣться, разводять огонь, и ко всему смраду еще присоединяется ѣдкій дымъ разведеннаго костра.

Холодъ влечетъ къ огню. Холодъ заставляетъ накинуть на себя одежду—шкуру звѣря. Это—единственная одежда пропредка. Ни ткать, ни прясть, ни сѣять растений, дающихъ волокна онъ не умѣетъ, не знаетъ обитатель пещеръ и домашнихъ животныхъ.

Грѣясь у очага, онъ занятъ работой. То онъ очищаетъ каменнымъ скребкомъ шкуру отъ мяса, то ковыряетъ ее костяной или каменной проколкой и, пропуская въ проколы жилы или ремни, соединяетъ куски шкуръ въ цѣлое. То онъ дѣлаетъ необходимыя въ обиходѣ орудія изъ камня—единственнаго матеріала, съ которымъ онъ знакомъ и умѣетъ обращаться: ни мѣдь, ни желѣзо ему неизвѣстны.

Всѣмъ породамъ камня онъ предпочитаетъ кремень за легкость раскола и твердость. Но и кремень не одинаковъ. Въ одной мѣстности онъ раковистъ, въ другой трещиноватъ, въ третьей сухъ и плохъ для раскола. Хорошій кремень долженъ быть въ изломѣ чистымъ, почти какъ стекло гладкимъ и въ обработкѣ легкимъ. И человекъ ищетъ такой кремень, собирая его по оврагамъ и осыпямъ разрушающихся береговъ.

Въ рукахъ у него только что вынутый изъ земли кремневый желвакъ. Пока онъ не успѣлъ просохнуть, отъ него легко отбиваются продолговатые куски, всегда

въ направленіи сдѣланнаго удара, такъ что можно посредствомъ отбивки придать желаемую форму.

Прежде всего онъ сбиваетъ съ желвака кору, затѣмъ легкими ударами старается придать ядрищу форму призмы, снимая излишекъ. Когда это сдѣлано, сильными и ловкими ударами онъ откалываетъ полоску съ параллельными лезвіями. Если попадутся подъ руку другія крѣпкія породы камня, онъ и изъ нихъ изготовить себѣ орудія, чтобы скрести кожу, отдѣлять мясо отъ кости, разбивать кость для полученія мозга, чтобы бить звѣря и человѣка. Одни и тѣ же орудія служатъ для охоты, войны и хозяйства.

Здѣсь же у огня обычно питается человѣкъ. Въ огонь на камни онъ кладетъ куски мяса, чтобы поджарить. Но наряду съ жаренымъ мясомъ онъ истребляетъ и сырое. Взявъ въ щепоть скребокъ, онъ водить имъ по мясу. Отчасти уже размягченное гниlostью мясо легко поддается скребку. Наскребенное мясо онъ прямо отправляетъ въ ротъ. Мясо, грубое и нѣжное, свѣжее и падалъ, одинаково идетъ въ пищу. Оглоданныя кости бросаютъ въ огонь, трубчатая съ мозгомъ кости, а также черепа разбиваютъ камнемъ и мозгъ съѣдаютъ, какъ лакомое блюдо. Остатки такихъ очаговъ съ золой отъ костра, съ кусками отбитаго камня, съ расколотыми и обгорѣлыми костями, съ грубыми каменными орудіями уцѣлѣли до нашего времени въ нѣкоторыхъ изъ пещеръ.

У огня человѣкъ отдыхаетъ и спитъ.

Но не всегда человѣкъ можетъ оставаться спокойно въ подземельѣ и грѣться у огня. Голодь гонитъ его на охоту. Охота—не развлеченіе, а насущная нужда. Охота кормитъ его, на охотѣ онъ воюетъ съ звѣремъ и истребляетъ постоянно грозящаго ему врага.

При несовершенныхъ орудіяхъ охота требовала много силы, ловкости, смѣлости и хитрости.

Простой камень служитъ охотнику пращей. Осколки кремня—наконечниками для стрѣлъ дротиковъ, копій; болѣе крупные камни идутъ на рогатину и топорь.

Съ такимъ оружіемъ шель онъ на птицъ и звѣрей, даже на исполинскаго оленя и тура. Но пещерный медвѣдь уже требоваль бѣльшаго, и человекъ изыскивалъ средства съ нимъ справиться изъ своего ума. Выслѣдивъ звѣря, который ютился въ пещерѣ, онъ заготовлялъ на вершинѣ скалы по сосѣдству съ пещерой, его жилищемъ, груду большихъ камней и, выждавъ моментъ, когда звѣрь, не подозрѣвая засады, выходилъ на добычу, пускалъ въ него тяжелые камни. Онъ дѣйствовалъ навѣрняка, самъ оставаясь въ сравнительной безопасности наверху скалы.

Не справиться было человекъ при такомъ оружіи съ мамонтомъ и носорогомъ, и онъ изобрѣлъ средство обезсилить этихъ мощныхъ звѣрей. При удобномъ случаѣ онъ отбивалъ одиночныхъ звѣрей отъ стада и загонялъ ихъ въ болота, въ глубокіе сугробы снѣга или въ озера, покрытыя тонкимъ слоємъ льда или, выслѣдивъ обычный путь мамонта или носорога, въ избранномъ мѣстѣ рылъ яму и покрывалъ ее сверху зелеными вѣтвями и около этого мѣста устраивалъ засаду.

Во второй залѣ, на фризѣ представлено, чѣмъ кончается для мамонта и людей такая засада.

Мамонтъ ничего не подозрѣвая, вступилъ на зеленое покрытие и провалился грузнымъ тѣломъ на дно ямы... Отъ неожиданности и ярости онъ обезумѣлъ. Онъ истощаетъ свои силы въ стремленіи выбраться. Не давая времени ему опомниться, люди, притаившіеся въ засадѣ, выскакиваютъ и бросаются на него, ранятъ и бьютъ его камнями.

Звѣрь теперь въ значительной степени безопасенъ. Только неосторожные, въ пылу битвы подошедшіе слишкомъ близко, платятся жизнью, когда мамонтъ схватитъ ихъ хоботомъ и ударитъ о землю или бивнемъ положить на мѣстѣ.

На другой части стѣны между оконъ въ той же залѣ дана и заключительная картина борьбы съ мамонтомъ.

Оконченъ полный опасности и волненій день. Гигантъ мамонтъ поверженъ, и темный остовъ его тупа цѣлой горой вырисовывается на холодящемъ небѣ заката. Къ страшному ранѣ звѣрю теперь устремляются всѣ. Каждый старается урвать себѣ лакомый кусокъ. Скромное обычно меню изъ кореньевъ, растений, изъ коры даже деревьевъ или мелкой добычи охоты, теперь замѣняется болѣе роскошнымъ и рѣдкимъ. Раскладывается огонь и открывается трапеза. Всѣ набрасываются на свѣжее, еще не остывшее мясо. Одни рвутъ его зубами-рѣзцами, другіе кромсаютъ его кремневыми ножами. Одни глотаютъ его прямо, другіе бросаютъ въ огонь и жуютъ до того, что истачиваютъ зубы до десенъ. Третьи пьютъ теплую кровь... Одни напиваются до изнеможенія и не могутъ двинуться. Другіе опьянѣвъ, спорятъ, поютъ, бьютъ костью о кость и пляшутъ. Третьи съ полнымъ ртомъ засыпаютъ. Таковы зачатки нашей музыки, пѣнія и танцевъ.

Такъ жилъ человѣкъ глубокой древности, той эпохи, когда онъ не зналъ другого матеріала для своихъ издѣлій кромѣ камня; кости и дерева, когда онъ дѣлалъ ножи, скребки, топоры и другія орудія исключительно изъ камня. Это эпоха—древне-каменная иначе палеолитическая.

Объ этой далекой жизни человѣка и повѣствуютъ намъ памятники, дошедшіе до насъ изъ глубины вѣковъ и собранные заботливою рукою археологовъ въ 1-ой залѣ.

Въ витринѣ, помѣщенной у окна подъ стекломъ, выставлены памятники человѣческой культуры, современной мамонту.

Я остановлюсь на трехъ коллекціяхъ, выставленныхъ въ витринахъ 1, 2, 3 и 4-ой.

Первая коллекція польскаго изслѣдователя графа Завиши съ памятниками изъ Мамонтовой пещеры. Мамонтова пещера находится въ Кѣлецкой губерніи, въ Олькушскомъ уѣздѣ, въ долинѣ рѣки Рудава, на лѣвомъ ея берегу у подошвы скалы, сложенной изъ бѣлыхъ из-

вестняковъ. Это—одна изъ большихъ пещеръ: она имѣеть около 24 аршинъ длины и 18 аршинъ ширины.

Въ 1872—1876 г. графъ Янъ Завиша, большой любитель археологіи, по собственному почину и на свои средства предпринялъ рядъ изысканій, давшихъ такіе цѣнные результаты, что Краковская Академія Наукъ, а также нѣсколько крупныхъ ученыхъ пожелали принять участіе въ дальнѣйшихъ работахъ.

Внутри пещеры былъ открытъ очагъ, гдѣ, повидимому, протекала вся домашняя жизнь ея обитателей палеолитическаго вѣка. Около очага были найдены обломки костей звѣрей и масса орудій изъ камня.

Въ витринѣ 4-ой мы видимъ обломки костей мамонта (№№ 48—54). На планшеткѣ слѣва нашиты полированные ребра мамонта, два шила для прокалыванія, изготовленныя изъ оленьихъ костей, и девять обломковъ костей, изъ которыхъ нѣсколько съ заостреніемъ на концѣ. На планшеткѣ справа разложены длинные пластинчатые ножи, болѣе короткіе и широкіе скребки, наконечники копій и стрѣлъ и по угламъ—два ядрища. Послѣднія говорятъ о томъ, что орудія выдѣлывались здѣсь въ самой пещерѣ.

Вторая коллекція А. И. Кельсіева—изъ Костенокъ Воронежской губерніи. Костенки—одна изъ богатѣйшихъ и интереснѣйшихъ палеолитическихъ стоянокъ. О Костенкахъ давно, еще въ XVIII в. ходили слухи, что тамъ «много костей необычайныхъ». Мѣстные крестьяне составили своеобразное объясненіе относительно присутствія большихъ костей подъ землею.

«Жилъ нѣкогда,—разсказывали они,—на землѣ звѣрь по названію индеръ. Однажды онъ пошелъ изъ глубины материка къ Дону; голова его была у воды рѣки, а туловище тянулось по всему Чекалину оврагу, т.-е. былъ великанъ въ версты двѣ. Индеръ долженъ былъ перейти на другой берегъ Дона. За чудовищемъ шли его дѣти. Боясь, что они при переходѣ утонуть въ водѣ, индеръ вздумалъ перепить Донъ. Онъ началъ пить, и рѣка обме-

лѣла. Чтобы дать знать дѣтямъ, что можно итти безопасно, онъ оглянулся назадъ, но отъ натуги лопнулъ, и кости его разлетѣлись на далекое разстояніе».

Это—«индровыя кости», были увѣрены крестьяне. Старухи брали ихъ, тщательно берегли, толкли, перемѣшавъ съ ладономъ, окуривали лихорадочныхъ и говорили, что это помогаетъ.

Въ самомъ началѣ XVIII в. въ 1701 году Петръ Великій, будучи въ Костенкахъ, обратилъ вниманіе французскаго путешественника де-Бруина на кости въ Костенкахъ. Де-Бруинъ заинтересовался, но затѣмъ о Костенкахъ забыли. Вспомнилъ о нихъ академикъ Гмелинъ въ 1769 г. Глубокою осенью онъ пріѣхалъ въ Костенки. Подъ 1-ымъ ноября въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: «уже довольно извѣстно что въ окрестности города Костинска находятъ слоновую кость. Дабы тѣмъ лучше о семъ удостовѣрить, поѣхалъ я туда и по пріѣздѣ моемъ на мѣсто, какъ скоро начали копать, то на песчаномъ берегу р. Дона немедленно оказались безпорядочно разсѣянныя слоновыя кости. Зубы, челюсти, ребра, лбы, стегна и берцы, не окаменѣлыя, но въ естественномъ своемъ состояніи или отъ долговременности трупорѣхатые, лежали на 3 локтя въ глубину и около 40 сажень въ длину. Кромѣ слоновыхъ остатковъ не могъ я найти никакихъ костей отъ другихъ звѣрей и притомъ совсѣмъ невозможно мнѣ также было собрать полный скелетъ.

Гмелинъ долженъ былъ продолжать свое путешествіе и покинулъ Костенки. Но онъ не забылъ о находимыхъ тамъ слоновыхъ костяхъ и весною 1770 г. онъ снова былъ тамъ. Подъ 11 апрѣля онъ писалъ у себя въ дневникѣ: «Сего утра потребовалъ я отъ воеводы работниковъ, дабы еще осмотрѣть положеніе костей и увѣриться съ надлежащею ли точностью вызналъ я въ первый разъ свойство оныхъ».

Его занимаетъ вопросъ «откуда взялись сіи слоновыя кости». «Развѣ въ самыя древнія времена, дѣ-

лаетъ предположеніе Гмелинъ, случилась всеобщая перемѣна и обращеніе вещей на земномъ шарѣ; или другія какія особенныя приключенія подали причину къ скрытымъ подъ землею въ сихъ странахъ костямъ? Возможное дѣло, что слоны, видя себѣ погибель удалились изъ своего отечества и померли въ болѣе или менѣе отдаленныхъ южныхъ или сѣверныхъ странахъ».

Чрезвычайно заинтересованный Гмелинъ предпринимаетъ раскопки. Но вторыя раскопки окончились неудачно.

О Костенкахъ послѣ этого снова забыли почти на сто лѣтъ.

Только въ 1879 г. И. С. Поляковъ по порученію Академіи Наукъ обратился снова къ обслѣдованію Костенокъ.

«11 іюня вечеромъ я выѣхалъ,—разсказываетъ Поляковъ, изъ Воронежа съ сопровожденіемъ мѣстнаго станового пристава, который вмѣстѣ съ своими служебными дѣлами долженъ былъ также водворить и устроить меня въ Костенкахъ».

Утромъ, когда они туда пріѣхали, былъ собранъ сходъ для служебныхъ цѣлей. Послѣ рѣшенія разныхъ мірскихъ дѣлъ былъ предложенъ между прочимъ роковой вопросъ о костяхъ. Какъ и слѣдовало ожидать на сходѣ полученъ былъ отвѣтъ отрицательный: «Нѣтъ нѣтъ, какія кости, не видали, нѣтъ...» говорили на сходѣ. «Но самый тонъ, выраженіе лица и позы говорившихъ съ неизбѣжнымъ почесываніемъ затылка, не лишали надежды на благопріятные результаты».

И. С. Поляковъ не ошибся. Черезъ нѣкоторое время у него на квартирѣ появилась старуха съ обломкомъ кости мамонта. Когда старуха получила приличное вознагражденіе, не пришлось ждать долго новыхъ приношеній, и къ позднему вечеру была уже порядочная куча обломковъ, были даны указанія, гдѣ эти кости были найдены.

На основаніи всѣхъ добытыхъ данныхъ И. С. Поля-

ковъ началъ раскопки, которыя дали результаты, превзошедшіе всякія ожиданія.

16 іюня съ 8 нанятыми рабочими было приступлено къ дѣлу раннимъ утромъ и къ вечеру изъ-подъ снятого слоя земли толщиною въ два аршина обнаружилась сѣрая глина, а «вмѣстѣ съ нею и тѣ ископаемые остатки, которые произвели неизгладимое, глубокое, потрясающее впечатлѣніе» на Полякова.

Какъ разъ на границѣ глины и чернозема начали встрѣчаться типичные кремневые осколки, затѣмъ зола, и тутъ же рядомъ — остатки коренныхъ зубовъ и лопатки мамонта.

Такимъ образомъ было получено неопровержимое доказательство того, что человѣкъ не только существовалъ вмѣстѣ съ мамонтомъ, но и охотился за нимъ.

Слѣдующіе дни раскопки дали массу орудій и разбитыхъ костей, подтвердившихъ все это... «Обиліе костей въ одномъ мѣстѣ можно объяснить только тѣмъ, что человѣкъ стаскивалъ мясо и кости мамонта къ своему жилью для своего питанія. Около костей много осколковъ—это показываетъ, что здѣсь очевидно было пепелище, на которомъ человѣкъ жилъ. Здѣсь онъ готовилъ орудія, отбрасывая осколки.... Это была, несомнѣнно, стоянка палеолитическаго человѣка».

Интересъ къ Костенкамъ не прекратился. Въ 1881 году Костенки посѣтилъ командированный управленіемъ Историческаго Музея, А. И. Кельсіевъ для изслѣдованія остатковъ жизни человѣка палеолитическаго періода и для составленія коллекціи для Музея, такъ какъ предметы, добытые И. С. Поляковымъ, помѣщены были на храненіе въ Музей Академіи Наукъ.

Привезенные А. И. Кельсіевымъ коллекціи и размѣщены въ витринѣ 2 и 3.

Въ коллекціи мы находимъ рядъ характерныхъ для палеолитическаго періода предметовъ. Въ витринѣ 2 прежде всего обращаютъ вниманіе 8 громадныхъ обломанныхъ костей мамонта. Подлѣ нихъ орудія палеоли-

тического человѣка, современника мамонта. На четырехъ планшеткахъ размѣщены небольшіе осколки изъ кремня, болѣе крупныя осколки изъ діорита и кварцита (вторая отъ края планшетка).

Въ витринѣ 3 на первой планшеткѣ даны пластинки неособенно правильной формы, на второй планшеткѣ—ядрища (нуклеусы), отъ которыхъ откалывались орудія, и тутъ же орудія въ видѣ пластинокъ съ выемкой на концѣ, мелкія (микролитныя) орудія и боковыя отщепки полученныхъ при выдѣлкѣ рѣзцовъ, на третьей планшеткѣ боковыя скребки и боковыя рѣзцы, пластинки съ выщербленными краями, массивныя пластинки особаго вида, оббитыя пластинки и пластинки въ видѣ листа сирени. Въ слѣдующемъ ряду на первой планшеткѣ видимъ пластинки съ болѣе правильной формой, на второй планшеткѣ—скребки и наконечники, на третьей—рѣзцы разныхъ типовъ.

Въ послѣднемъ ряду на первой планшеткѣ нашиты пластинки съ менѣе правильной формой, на второй—отколки, на третьей—обломки орудій.

За исключеніемъ нѣсколькихъ почти всѣ орудія и осколки изъ кремня, но они не коричневаго цвѣта, а голубовато-молочнаго, почти бѣлаго. Когда они были вынуты изъ земли, они имѣли роговой желто-коричневый цвѣтъ и были полупрозрачны. Затѣмъ въ теченіе первой четверти часа вслѣдствіе испаренія влаги изъ ихъ поръ, они потускнѣли и сдѣлались такими, какими они являются здѣсь.

Третья коллекція, собранная гр. А. С. Уваровымъ въ Карачаровскомъ оврагѣ къ югу отъ Мурома, помещена въ витринѣ 4.

Въ углу у окна пять кусковъ желтой глины, въ одномъ кускѣ мамонтова кость, въ другомъ черепокъ глинянаго сосуда съ орнаментомъ, въ третьемъ—кремневые ножи (№ 4), далѣе рядъ обломковъ каменныхъ орудій и костей животныхъ и ядрища, далѣе черепъ первобыт-

наго быка, часть костей мамонта, нижняя челюсть мамонта, зубы носорога и зубы хищниковъ.

Какъ орудія Мамонтовой пещеры, такъ орудія Костенокъ и Карачаровской стоянки, выставленныя въ витринахъ,—типичныя орудія палеолитической эпохи: они не отличаются разнообразіемъ формъ, крупны, сдѣланы грубо, наскоро, какъ получены они отъ одного ловкаго удара по тупой грани большого кремневаго ядрища, такъ и оставлены безъ всякой дальнѣйшей сработки. Только нѣкоторыя орудія имѣютъ слѣды вторичной оббивки. Человѣкъ палеолитическаго періода не умѣлъ ни шлифовать камня, ни отбивать. Вездѣ видно стремленіе имѣть плоскій длинный и широкій кремень съ рѣжущими краями.

Предметы этихъ двухъ коллекцій—самые первоначальные свидѣтели о бытности человѣка на пространствѣ теперешней Русской земли. Они чрезвычайно цѣнны, такъ какъ позволяютъ сдѣлать важный выводъ. Они ясно опровергаютъ мнѣніе такого авторитета, какъ датскій археологъ Ворсо, что въ Россіи человѣкъ не существовалъ въ періодъ мамонта, что вообще русская равнина заселена позднѣе Западной Европы. Коллекціи гр. Завиши, А. И. Кельсіева и гр. Уварова свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ жилъ на русской равнинѣ въ эпоху мамонта и освѣщаютъ жизнь человѣка въ палеолитическомъ становищѣ. Значеніе этихъ коллекцій вырастаетъ особенно потому, что палеолитическихъ стоянокъ въ Россіи открыто немного, и матеріаль для изученія палеолитической эпохи вообще скуденъ.

Богаче наука памятниками періода неолитическаго, къ которому мы перейдемъ во 2-ой залъ.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

2-я зала.

Прошли вѣка, и поверхность земли, климать, растительность и животный міръ измѣнились.

Климать сталъ теплѣе. Подъ вліяніемъ этого льды отошли дальше къ сѣверу. Вслѣдъ за ними передвинулась на крайній сѣверъ тундра, на мѣстѣ тундры раскинулись степи, протянулись лѣса. Въ нихъ жили лоси, кабаны, бобры, лисицы, медвѣди, волки и туры.

Вымерли гигантскій олень, мамонтъ, носорогъ и пещерный медвѣдь.

Измѣнилась жизнь человѣка и онъ самъ. Онъ узналъ много, сдѣлался болѣе умѣлымъ и ловкимъ, сталъ онъ лучше оббивать камень, научился обтачивать его, шлифовать, и даже сверлить, сталъ изготовлять изъ глины разныя издѣлья.

Наступила новая эпоха—эпоха обточенного и шлифованнаго камня, иначе называемая неолитической или позднекаменной.

Цѣнный матеріаль для знакомства съ культурой неолитическаго періода даютъ остатки ея, найденные во время раскопокъ близъ села Волосова, противъ г. Мурома, Владимірской губерніи, на возвышенномъ берегу р. Велетьмы, впадающей въ Оку.

Въ песокѣ (см. образецъ культурнаго слоя въ стеклянныхъ сосудахъ въ витринѣ 9, у окна) подъ слоємъ земли въ полъ-аршина были обнаружены слѣды жилья

человѣка неолитической эпохи. Онъ устроился на берегу рѣки, чтобы подъ руками у него была рыба, при этомъ выбралъ высокій берегъ, чтобы во время разливовъ весною его не заливало. Онъ поселился вблизи лѣса, богатаго всякимъ звѣремъ. Онъ питался рыбою—стерлядью, щукой, лещемъ и въ изобиліи истреблялъ лося, бобра, кабана, лисицу, куницу, барсука, волка и медвѣдя. Изъ домашнихъ животныхъ у него была только собака.

Кости этихъ звѣрей и животныхъ и рыбъ, а также птицъ найдены въ значительномъ количествѣ. Изъ костей онъ дѣлалъ шила, иглы, крючки (14 костей, въ обломкахъ, неоконченной подѣлки, въ витринѣ 9). Но главнымъ матеріаломъ для орудій былъ камень, кремь. Тамъ же на небольшой планшеткѣ нашиты три кремневыхъ желвака, приготовленныхъ для выдѣлки орудій. Въ одномъ желвакѣ выбита продольная часть. Изъ желваковъ путемъ послѣдовательной отбивки готовились ножи и скребки, расширенные и утолщенные къ одному концу, который отбивали болѣе или менѣе тщательно. Скребокъ множество, и это свидѣтельствуеетъ о широкомъ примѣненіи ихъ при обдѣлкѣ кожи и для другихъ цѣлей. Подлѣ на угловой планшеткѣ слѣва и по средней справа—наконечники для стрѣлъ и копій большею частью ромбической формы. Они различной степени отдѣлки. Одни изъ нихъ грубы, просто отколоты, другіе подвергнуты дальнѣйшей обработкѣ, дополнительной отдѣлкѣ, чтобы придать имъ желательную форму. Достигалъ человѣкъ этого двоякимъ способомъ: тѣмъ же отбойникомъ, которымъ онъ откалывалъ пластинку, онъ или ударялъ по краямъ и придавалъ имъ зазубренную форму, или, не ударяя, а нажимая, онъ откалывалъ ненужное по краямъ.

Кромѣ кремня человѣкъ пользовался здѣсь и другими болѣе мягкими породами камня и дѣлалъ изъ нихъ ладьеобразныя орудія (планшетка справа), а также топоры и долота (тамъ же). Нѣкоторые изъ нихъ

не отдѣланы, но съ слѣдами шлифовки, характерной для неолита.

Шлифовка требовала много терпѣнія и выдержки, такъ какъ на нее уходили мѣсяцы, и даже годы, особенно при обработкѣ твердыхъ породъ въ родѣ кремня, нефрита. Поэтому полированные орудія чаще выдѣлывались изъ болѣе мягкихъ породъ—шифера, сланца, песчанника. Полировка орудій производилась на точильныхъ камняхъ изъ песчанника. Обломки плитокъ съ слѣдами углубленій въ видѣ желобковъ найдены были въ разныхъ мѣстахъ. Въ витринѣ 9 3 оселка, одинъ изъ шифера (ближе къ окну), другіе два изъ краснаго песчанника; они служили для обтачиванія костей. Въ витринѣ 8 небольшой песчанниковый камень, служившій для полировки камней, помѣщенъ справа въ углу.

Человѣкъ, жившій здѣсь, умѣлъ готовить глиняную посуду и обжигать ее. Объ этомъ говорятъ черепки отъ сосудовъ, разложенные въ витринахъ 8 и 9.

Часть ихъ грубой работы, часть болѣе тонкой. Съ наружной стороны эти черепки украшены орнаментомъ, полосками, волнообразными линіями и, главнымъ образомъ, ямками.

Съ внутренней стороны на нѣкоторыхъ встрѣчаются отпечатки плетенія. Можетъ быть это слѣды простѣйшаго и первоначальнаго способа приготовленія глиняныхъ сосудовъ, который заключался въ томъ, что глиною обмазывалась плетеная корзина и обжигалась въ огнѣ.

Наконецъ въ коллекціи есть и украшенія въ видѣ продыравленныхъ зубовъ медвѣдя, волка и другихъ звѣрей (планшетка слѣва).

Въ дополненіе къ этому круглая витрина посрединѣ залы показываетъ мастерскую на берегу Волги, близъ г. Старицы, Тверской губерніи. Здѣсь навалены грудой крупные куски кремня, составляющіе матеріаль, приготовленный для выработки орудій, осколки, нуклеусы, сломанные и неоконченные подѣлки. Тутъ же по сре-

динѣ на песокѣ двѣ глиняныя бусины, а ближе къ сторонѣ обращенной къ окну, нѣсколько обломковъ глиняной посуды.

Разсмотрѣнныя нами издѣлія и мастерская относятся къ началу неолитическаго періода. Все, что мы видѣли, не отличается особымъ изяществомъ. Къ концу періода, путемъ долгой и упорной работы неолитическій человекъ настолько усовершенствовалъ выдѣлку орудій, что явилась возможность готовить правильныя изящной формы орудія, и эти формы получили большое разнообразіе. Образцы художественной техники представляютъ кирки съ обухами въ видѣ медвѣжьихъ мордъ иногда съ обозначеніемъ рта и глазъ (бѣлый слѣпокъ, витрина 2, полка 6), изображеніе рыбъ и четвероногихъ животныхъ (витрина 2, полка 4 и 5). Блещетъ прекрасной полировкой топоръ съ просверленнымъ отверстіемъ (витрина 3, полка 5).

Къ этимъ памятникамъ далекой жизни мы можемъ прибавить еще свидѣтельство изъ XVIII вѣка.

Это свидѣтельство идетъ отъ русскаго ученаго С. П. Крашенинникова (1715—1755).

Въ срединѣ XVIII в. онъ совершилъ путешествіе въ Камчатку и въ «Описаніи земли Камчатки», которое вышло въ 1755 г., онъ даетъ живую и любопытную картину вполнѣ развитого быта каменнаго вѣка, который русскіе застали въ Камчаткѣ.

«Прежніе камчатскіе металлы,—говоритъ онъ,—были кость и камень. Изъ нихъ камчадалы дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости также и изъ яшмы, наподобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорщикамъ плашмя, наковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежитъ имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, чаши и корыта, которыя, по тамошнему хомя-

гами называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто, сдѣланное изъ драгоцѣннаго металла пре-высокою работою. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ каменьемъ. Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрусталя, на-подобіе ланцетовъ и насаживали ихъ на черенъе дере-вянное. Изъ того же хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и понынѣ пускають. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей и шили ими не токмо платье и обувь, но подзоры весьма искусно. Огнива ихъ—дощечки деревянные изъ сухого дерева, на которыхъ по краямъ навёрчены дырочки, да кругленькія изъ сухого дерева палочки, которыя, вертя въ ямочкахъ, огонь доставали»...

На основаніи накопленнаго наукой матеріала, возможно набросать картину жизни стоянки неоли-тического человѣка.

Это и сдѣлалъ В. М. Васнецовъ, развернувъ по верху стѣнъ 2 зала живописный фризъ съ мастерски расположенными группами.

Всмотримся въ этотъ фризъ.

Передъ нами берегъ рѣки съ уходящимъ въ даль лѣсомъ. Направо на первомъ планѣ—пещера, жилище человѣка. Въ теплый лѣтній день всѣ вышли изъ мрака пещеры на солнце. Особенно радъ теплу, грѣтся дро-жащій и кутающійся въ шкуры ветхій старецъ. Онъ дряхль и работать не можетъ. Всѣ же другіе заняты чѣмъ-нибудь. У входа въ пещеру одна женщина кормитъ ребенка. Другія женщины заняты изготовленіемъ одеждъ. Онѣ сдирають мясо со шкуръ звѣрей каменнымъ скреб-комъ, прокалываютъ отверстія тонкимъ костянымъ шиломъ и, продѣвая въ нихъ жилы или ремни, сши-вають одну шкуру съ другой.

Подлѣ женщинъ, занятыхъ питаньемъ дѣтей и ши-тьемъ—мужчины. Двое изъ нихъ на первомъ же планѣ увлечены рѣзбой по кости. Острымъ кускомъ камня они наносятъ бороздки и точки, располагая ихъ то

въ одиночку, то группами и создавая простые, но не лишенные красоты узоры, или вырѣзываютъ изображенія окружающихъ ихъ звѣрей. Эта работа не легка. Она требуетъ твердой руки, силы въ пальцахъ, навыка глаза и большого вниманія. Нужно имѣть творческую фантазію, чтобы скомпановать узоръ. Нужна художественная память и наблюдательность, чтобы схватить и передать видѣнное животное.

За рѣзчиками-художниками видны фигуры мужчинъ, изготовляющихъ орудія. Двое изъ нихъ, высоко поднимая руки съ камнями, хотятъ однимъ ударомъ отдѣлать нужную для него часть отъ желвака. Третій, сидя между ними, повторными ударами отбиваетъ края. Четвертый шлифуетъ на оселкѣ отдѣланный камень. Пятый пробуравливаетъ въ камнѣ отверстіе: подсыпая песку на камень, вращая кость или полый тростникъ, онъ сверлитъ камень. Далѣе группа въ 5 человекъ занята гончарнымъ искусствомъ. Человѣкъ научился теперь изъ мягкой глины лѣпить сосуды. Ихъ формуетъ онъ отъ руки, такъ какъ гончарный кругъ ему еще не извѣстенъ. Когда сосудъ вылѣпленъ, на мягкой поверхности вѣточкой, палочкой или рукой дѣлаютъ украшенія. Ставя тупую палочку прямо, выдавливаютъ круглыя ямки, ставя ее наискось—овальныя углубленія. Заостренною палочкой они вычерчиваютъ линіи прямыя и волнообразныя.

Въ то время, какъ одни углубились въ мирныя работы, другіе идутъ на охоту, заняты ею или возвращаются уже съ хорошей добычей.

Охотѣ отведено на фривъ видное мѣсто, такъ какъ она имѣла большое значеніе въ жизни человѣка этого времени. Охота его кормила, на охотѣ онъ уничтожалъ своихъ четвероногихъ враговъ-хищниковъ. Шкуры убитыхъ на охотѣ звѣрей защищали его отъ холода. Охота, какъ борьба за существованіе, требовала напряженія всѣхъ силъ; развивала въ немъ способность наблюденія, умѣнье пользоваться его результатами, содѣй-

ствовала развитію способности мышленія и толкала его на изобрѣтательность. Благодаря охотѣ человѣкъ получалъ первыя понятія о природѣ. Охота воспитывала волю человѣка, прививала выдержку: чтобы сразить звѣря, нужно выждать моментъ. Сообразительность, ловкость, настойчивость и выносливость — вотъ навыки, которые должны образоваться въ борьбѣ со звѣремъ.

Обладателю отваги и ловкости охота доставляетъ уваженіе и даже власть. Его отвагу прославляютъ, и лучшіе охотники-удальцы дѣлаются главами и вождями.

Можетъ быть такой удалецъ-богатырь и выступаетъ въ полный ростъ на нашемъ фризѣ.

Вооруженный каменнымъ топоромъ, держа въ рукахъ деревянную рукоятку съ копьевиднымъ наконечникомъ, навѣсивъ на себя все нужное для охоты, онъ готовъ отважно итти и на крупнаго звѣря и благодаря мужеству, силѣ и ловкости онъ своею рогатиною и топоромъ можетъ свалить медвѣдя, кабана и лось.

Не требуетъ такой силы и мужества охота на мелкаго звѣря и птицу. Но и здѣсь нужна наблюдательность, знаніе образа жизни, опытность и ловкость. Нужно умѣть подкрасться, настичь, мѣтко пустить стрѣлу. Еще неокрѣпшій юноша учится дѣйствовать лукомъ.

У рѣки—счастливый и радостный рыболовъ. Онъ не знаетъ еще плетенія сѣтей, онъ ловитъ рыбу на крючекъ изъ камня и кости. Насадивъ приманку, онъ закинулъ уду и, замѣтивъ, что рыба клюнула, быстрымъ движеніемъ подсѣкаетъ ее: острый край иглы вонзается во внутренности рыбы. Вытащенная жертва извивается въ воздухѣ серебристымъ кольцомъ. Зимой, когда снѣгъ покроетъ этотъ берегъ, и воду скуетъ ледъ, рыболовъ будетъ ловить рыбу просто руками. Онъ подмѣтилъ, что тогда рыба поднимается вверхъ, держится подо льдомъ. Ударяя дубиною по льду, онъ оглушаетъ ее, и она дается тогда сама въ его руки.

Далѣ въ глубинѣ картины на самомъ берегу рѣки у линіи воды двое трудятся надъ изготовленіемъ челна.

Изъ всѣхъ породъ сосѣдняго лѣса, они остановили свое вниманіе на самой плотной и твердой породѣ— на дубѣ. Сваливъ вѣковой дубъ при помощи огня и каменныхъ топоровъ, они долбятъ изъ обрубка ладью-челнъ. Выжигая, постепенно снимаютъ они часть за частью куски дерева вдоль по длинѣ ствола. Тамъ, гдѣ они могутъ идти по направленію волоконъ, дѣло спорится скорѣе;— тамъ, гдѣ волокна идутъ наискось, имъ приходится труднѣе. Чтобы предохранить челнъ отъ сжиманія, ссыханія и растрескиванія они ставятъ посрединѣ углубленія перегородку изъ дерева. Эта перегородка даетъ возможность обтесать больше и сдѣлать тоньше стѣнки челна. Дно и кормовая часть остается толще и тяжелѣе, чтобы самый челнъ былъ устойчивѣе.

Тутъ же, ближе къ первому плану, добывается огонь.

Огонь нуженъ, чтобы варить и обжаривать пищу, обжигать сосуды и выжигать лодку. Огнемъ же, котораго боится звѣрь, человѣкъ защищается отъ змѣй и дикихъ звѣрей, обкладываясь кострами. Огонь даетъ свѣтъ и тепло.

Съ усиліемъ треть палку о сухое дерево старецъ. Мальчикъ, превратившись весь во вниманіе, держитъ пучекъ сухой травы наготовѣ, чтобы въ него принять первую искру. Подлѣ косматая старуха съ нетерпѣніемъ ожидаетъ появленія благодатнаго огня.

Такъ вдумчиво и полно, ярко и выразительно обрисовываетъ бытъ неолитическаго человѣка фреска В. М. Васнецова, отмѣчая характерныя для начальнаго неолитическаго періода черты: жилище-пещеру, охоту, выдѣлку орудій со шлифовкой и сверленіемъ, гончарную работу и зачатки судоходства.

БРОНЗОВЫЙ ВѢКЪ.

3-я зала.

Прошли еще вѣка. Человѣкъ познакомился съ металлами и сталъ ихъ употреблять.

Первымъ металломъ, который узналъ человѣкъ, какъ предполагають, было золото. Его онъ могъ найти въ видѣ самородка. Но небольшое количество самородковъ и мягкость этого металла позволяли его примѣнять только для украшеній: золото было не пригодно для выдѣлки орудій и оружія. Затѣмъ найдена была мѣдь, но и она была мягка. Надъ мѣдью взяла перевѣсъ бронза, какъ болѣе твердый, хорошо поддающійся отливкѣ и въ тоже время блестящій красивый металлъ.

Бронза—сплавъ мѣди съ оловомъ, при чемъ мѣди обычно брали $\frac{7}{8}$ — $\frac{9}{10}$, а олова $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{10}$. Изъ этого сплава стали изготовлять украшенія, орудія и оружіе, и онъ приобрѣлъ широкое распространеніе.

Раньше всего выдѣлка предметовъ изъ бронзы началась, вѣроятно, въ Азіи. Оттуда она распространилась Средиземнымъ моремъ на Западъ и Сѣверъ. На территорію Европейской Россіи бронзовая культура шла тремя путями. Первый ея путь былъ черезъ Уралъ, какъ это можно прослѣдить по чудскимъ копьямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала. Съ Урала бронзовая культура спустилась въ бассейнъ Камы и достигла высшаго расцвѣта въ Біарміи. Затѣмъ она дошла до Днѣстра и Буга. Второй путь ея—съ юга, черезъ черноморскія колоніи въ Южную Россію, въ бассейнъ Днѣпра,

Днѣстра и Буга. Третій путь—черезъ Кавказъ въ бассейнъ Дона. Главными центрами бронзовой культуры былъ Уралъ и Кавказъ, такъ какъ тотъ и другой хребетъ изобилуетъ мѣдью. Жители приуральскаго и прикавказскаго края очень рано обрабатывали мѣдь, добывая ея изъ богатыхъ копей. Въ этихъ областяхъ и было найдено наибольшее количество металлическихъ предметовъ, частью изъ чистой мѣди, частью изъ мѣди съ примѣсью олова.

Подборъ бронзовыхъ издѣлій, сдѣланныхъ на территории Россіи, представленъ въ рядѣ коллекцій изъ губерній Владимірской, Ярославской, Черниговской, Полтавской, Кіевской, Харьковской, Симбирской, Саратовской, Вятской, Уфимской, Воронежской, Ставропольской, Таврической, Астраханской, изъ Кавказа и Сибири.

Бронзовый періодъ на Кавказѣ въ этой залѣ характеризуется особенно обширнымъ собраніемъ памятниковъ вполне развитой бронзовой культуры. Для нихъ отведенъ рядъ витринъ (7—19).

Наиболѣе интересны коллекціи Кобаньскаго могильника Терской области (витрины 10, 11, 13 и 14). Среди этихъ коллекцій обращаютъ вниманіе большія булавки съ одного конца плоскія въ видѣ лопатки. Эти булавки, повидимому, носили женщины въ волосахъ, такъ какъ ихъ находятъ по двѣ подъ головами женскихъ скелетовъ. Затѣмъ интересны по формѣ: спиральные витые браслеты, привѣски изъ бронзы, съ изображеніемъ звѣрей и птицъ, топорики съ закругленными лезвіями, на поверхности которыхъ помѣщены изображенія своеобразныхъ звѣрей, бляхи и поясныя пряжки.

Въ витринахъ 10, 11 и 12 модели гробницъ, которыя показываютъ положеніе костяка и распредѣленіе на немъ и около него бронзовыхъ вещей и горшковъ.

Какъ же выдѣлывались такія бронзовыя издѣлія?

Бронза хорошо поддается отливкѣ въ формахъ. Формы можно изготовлять различно. Во-первыхъ, можно оттиснуть предметъ, съ котораго нужно получить бронзовый отливокъ во влажномъ мелкозернистомъ пескѣ и наполнить это углубленіе расплавленной бронзой. Этотъ способъ отливки, нужно думать, былъ самымъ древнимъ и наиболѣе распространеннымъ. Во-вторыхъ, можно сдѣлать формы изъ глины, смѣшанной съ пескомъ. Приготовивъ модель предмета изъ воска или какого-либо подобнаго вещества, человекъ обкладывалъ ее глиною и подвергалъ обжиганію. Воскъ распускался и вытекалъ черезъ продѣланное для этого отверстіе, а внутри формы оставалась пустота. Когда затѣмъ въ обожженную глиняную форму съ закрытыми отверстіями вливали расплавленную бронзу, то, по охлажденіи, разбивъ форму получали отливокъ. Этотъ способъ, давая лучшую форму, имѣлъ недостатокъ: каждый разъ приходилось дѣлать новую форму. Чтобы избѣжать этого придумали третій способъ: стали изготовлять формы каменные. Изготовленіе ихъ было дѣломъ не легкимъ: нужно было выдалбливать форму въ камнѣ, но за то она служила долго. Въ двухъ каменныхъ плиткахъ выбивалось такое отверстіе, чтобы при сложеніи ихъ получалась форма для отливки предмета. Послѣ охлажденія налитаго туда металла, половинки разнимались и доставали отливокъ, а камни вновь складывались и наполнялись бронзой для новаго отливка.

Отлитый предметъ иногда получалъ неровную поверхность, швы и затеки въ оставленные для притока воздуха дырочки. Все это отчищалось, отбивалось и сглаживалось. Иногда поверхность отполировывалась, украшалась орнаментомъ, лезвіе и остріе оттачивалось.

Бронзовое издѣліе выходило изъ мастерской смотря по сплаву или золотистымъ или коричневатымъ. Если въ Музеѣ мы видимъ ихъ почернѣвшими, зеленоватыми иногда съ синеватымъ оттѣнкомъ, то это оттого, что образовалась на нихъ патина отъ окисленія мѣди.

Синеватый оттѣнокъ свидѣтельствуеъ о примѣси къ сплаву серебра.

Формы для отливки бронзовыхъ издѣлій найдены въ Кіевской, Херсонской и Таврической губерніяхъ, на Уралѣ и въ Сибири.

Формы изъ села Кардашинки Таврической губерніи выставлены въ витринѣ 2 подъ № 1094—1098.

Въ пескахъ, окружающихъ это село, были открыты шлаки и куски сплавовъ, служившіе для приготовленія металлическихъ зеркалъ, наконечниковъ для стрѣлъ, грубой работы бронзовая ваза и формы изъ тальниковаго сланца, въ которыхъ отливали въ этой мастерской орудія и оружія.

Остановимся на формахъ подъ № 1094—1096. Онѣ состоятъ изъ двухъ прямоугольниковъ камней. На четырехъ ихъ сторонахъ размѣщены углубленія. Въ первой формѣ на широкой сторонѣ форма для большого кельта, характернаго топора бронзоваго періода, на обратной сторонѣ форма для кинжала и долота. Одна узкая сторона занята ямками для отливки кинжала и долота, другая узкая сторона — ямками для отливки узкаго долота. Съ № 1096 могутъ быть отлиты малый кельтъ и два наконечника дротиковъ. Рядомъ съ этими формами лежатъ зеленый большой кельтъ и кинжалъ, малый кельтъ и два наконечника дротика. Всѣ эти пять предметовъ отлиты мною съ любезнаго разрѣшенія администраціи Историческаго Музея, чтобы испытать, какъ и какимъ орудіе выходило изъ формъ. Кельты отлиты изъ гипса, кинжалъ и дротики изготовлены изъ бумаги.

Бронзовая культура не сразу водворилась и вытѣснила каменную. При появленіи бронзы сохраняли еще значительное распространеніе, а иногда и преобладаніе каменные орудія.

Съ начальнымъ періодомъ бронзоваго вѣка знакомить насъ коллекція изъ Фатьяновской стоянки (витрина 4).

Въ 1873 году при проведеніи Ярославо-Вологодской желѣзной дороги, были найдены близъ станціи Уткино каменныя орудія, сосуды и человѣческія черепа. Это повело къ раскопкамъ 1874—78 г. То, что найдено близъ деревни Фотьяново, Ярославской губерніи Даниловскаго уѣзда, помѣщено въ витринѣ.

Здѣсь ножи изъ красновато-сѣраго кремня, очень ловко отбитые, много топоровъ, часто очень хорошо отшлифованныхъ, шаровидные глиняные сосуды, украшенные мелкими точками и городками, треугольниками и елочками. Перечисленное даетъ поводъ отнести эту коллекцію къ эпохѣ зрѣлаго неолита. Но при раскопкахъ было замѣчено на одномъ изъ череповъ большое зеленое пятно. Когда оно было изслѣдовано, то химически было опредѣлено, что это пятно отъ окиси плотно прилегавшаго какого-то мѣднаго или бронзоваго предмета. Затѣмъ былъ найденъ среди множества просверленныхъ зубовъ животныхъ медвѣжьей клыкъ съ продѣтымъ бронзовымъ колечкомъ (планшетка посрединѣ). Это ясно показываетъ, что всѣ предметы и изъ камня относятся къ началу бронзоваго періода.

Къ начальной эпохѣ бронзоваго вѣка относится и то, что открыто въ Скорняковскихъ курганахъ Задонскаго уѣзда Воронежской губерніи. Въ коллекціи помѣщены подлѣ кремневыхъ наконечниковъ и стрѣлъ съ мелкими зубцами по краямъ (1112—1116) листовидные наконечники копья—не изъ бронзы, но изъ мѣди (шкафъ надъ витриной 3).

Прослѣдить постепенный переходъ формъ отъ начала бронзоваго періода до конца его нѣтъ возможности въ настоящее время. Но зато мы можемъ видѣть на предметахъ тотъ громадный переворотъ, который произошелъ въ области изготовленія орудій, оружія и украшеній съ появленіемъ блестящей, плавкой и гибкой бронзы.

Для этого достаточно сопоставить нѣкоторые предметы изъ рассмотрѣнныхъ нами коллекцій.

Обратимся къ коллекціи ранняго бронзоваго вѣка изъ Задонскаго уѣзда и остановимся на листовидномъ мѣдномъ наконечникѣ (шкафъ надъ витриной 3). При бѣгломъ сравненіи его съ каменными наконечниками бросается въ глаза, что листовидный мѣдный наконечникъ сохраняетъ очертанія и форму каменныхъ орудій. Совсѣмъ другія очертанія и формы мы видимъ въ позднѣйшей періодъ бронзоваго вѣка въ предметахъ Кобаньской коллекціи. Короткій ножъ превратился въ кинжалъ (витрина 7 и 8), а затѣмъ съ теченіемъ времени въ длинный мечъ (витрина 10—мечъ изъ Баку). Топоры удлиннились и получили новую форму кельта (витрина 7 и 10) (Терская область, Нальчинскій уѣздъ). Сучокъ отъ дерева, колючка, кость, служившіе въ каменномъ вѣкѣ для застегиванія превратились въ сложныя пряжки фибулы (витрина 12, Ауль Кобань). Въ эпоху каменнаго вѣка были немислимы ни длинныя булавки (витрина 13), ни витыя кольца для пальцевъ, ни спиральныя браслеты для рукъ и ногъ (витрина 11), ни обручи для головы и шеи, ни цѣпи, ни цѣпочки (витрина 14). Таковъ переворотъ, произведенный появленіемъ бронзы.

Предметы Кобаньской коллекціи стоятъ на грани, отдѣляющей бронзовый вѣкъ отъ слѣдующаго желѣзнаго. Прекраснымъ доказательствомъ этого служатъ чрезвычайно цѣнныя и интересныя въ научномъ отношеніи бляхи пряжекъ отъ поясовъ (витрина 12, планшетка посрединѣ). Эти бляхи отлиты изъ бронзы. На зеленомъ фонѣ бронзы видны украшенія красновато-ржаваго цвѣта. Это накладное украшеніе изъ желѣза. Если всю бляху дѣлаютъ изъ бронзы, а накладываютъ украшенія изъ желѣза, ясно, что желѣзо рѣдко, что по рѣдкости оно цѣнится. Такъ кобаньскія бляхи говорятъ о наступленіи желѣзнаго вѣка, уже примыкающаго къ нашей современной жизни.

То, что даютъ первыя три залы Историческаго Музея, представляетъ громадную научную цѣнность. Заклю-

ченные здѣсь памятники являются остатками и непосредственными свидѣтелями далекой прошлой жизни. Такое значеніе они приобрѣли только въ XIX вѣкѣ.

Черепки посуды, осколки кремня, шлифованные камни, люди находили давно. Ихъ зналъ составитель Домостроя и мнихъ Аѳанасій Іерусалимскій. Эти памятники каменнаго вѣка они называли «стрѣлками и топорами громными» и считали ихъ «бѣсовскими кознями», «нечестивой и богомерзкою вещью»: если «недуги» и «огненные болѣзни» лечатъ или «бѣсы изгоняютъ», знаменія творятъ — прокляты и ими исцѣляемые».

Но голосъ церкви былъ безсиленъ противъ глубокой вѣры въ сверхъестественное происхожденіе каменныхъ орудій и ихъ цѣлительной силы. До XIX вѣка сохранилась въ народѣ вѣра въ эту силу. Каменный топоръ нагрѣвають и кладутъ въ случаѣ болѣзни къ животу. Другіе варятъ топоръ въ водѣ и пользуются этою водою. Стрѣлками лечатъ посредствомъ укола больного мѣста. Стрѣлки обливають водою, капли стекающія со стрѣлокъ, собираютъ въ сосудъ, и эта вода дается для питья больному или для обмыванія. Есть старухи, владѣющія десятками стрѣлокъ. Онѣ очень дорожатъ ими: за леченіе пациенты приносятъ цѣлительницѣ—женщинѣ—врачу холстъ, хлѣбъ, деньги. При переходѣ по наслѣдству эти стрѣлки вызываютъ ожесточенные споры. Проф. Самоковъ рассказывалъ, что въ Кисловодскѣ одна крестьянка не хотѣла уступить ему куска кремня за 10 рублей.

Не далеки отъ этой вѣры были ученые XVII вѣка, полагавшіе, что горшки сами вырастаютъ въ землѣ, и ученые XVIII в., думавшіе, что камни—стрѣлы и образуются изъ громовыхъ тучъ.

Робкая мысль о происхожденіи этихъ орудій изъ рукъ человѣка, мелькнувшая у нѣкоторыхъ изслѣдователей въ XVIII вѣкѣ, только въ XIX вѣкѣ утвердилась, и наука заставила камни и бронзу заговорить и рассказать объ истинномъ ихъ происхожденіи. Это дало опору

для совершенно новаго взгляда на отдаленное наше прошлое.

Въ XVIII в. поэты, художники и философы представляли первобытную жизнь въ своихъ мечтахъ и картинахъ очень пріятною. Для нихъ это былъ, золотой вѣкъ, эпоха простоты и всевозможныхъ добродѣтелей. Тогда благородные пастушкѣи и пастушки, полные наивности жили подъ благословеннымъ небомъ въ богатой странѣ въ полномъ довольствѣ. Они питались продуктами отъ своихъ стадъ и благопристойно наслаждались полнѣйшимъ счастьемъ. Такіе взгляды на глубокую древность господствовали почти во всей наукѣ XVIII в. Успѣхи исторической науки главнымъ образомъ археологіи, заставили измѣнить представленія о далекомъ историческомъ прошломъ и въ немъ разсмотрѣть цѣлый рядъ эпохъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, въ теченіе которыхъ постепенно вырабатывалась древнѣйшая человѣческая культура. Идиллическая обстановка, которую воображали себѣ люди XVIII в., теперь оставлена, отвергнуть золотой вѣкъ и на его мѣсто поставленъ каменный, вмѣсто благородныхъ пастушковъ явился во всей первобытной неприглядной дикости человѣкъ, борющійся съ яростью непогоды и дикихъ звѣрей.

Вѣрной картиной первобытной жизни мы обязаны всецѣло крупной работѣ архелоговъ XIX в., давшей намъ возможность возсздать живую правдивую картину глубокой древности и показать, что блага той культуры которою мы пользуемся теперь, создались не нѣжными ручками ничего не дѣлающихъ пастушковъ и пастушекъ, а упорнымъ тяжелымъ трудомъ милліоновъ людей, жившихъ ранѣе насъ. Эти памятники изъ камня и бронзы—вещественный завѣтъ далекихъ предковъ, призывающій потомковъ неустанно трудиться и трудомъ совершенствовать жизнь на благо свое и грядущихъ поколѣній.

Акц. 269/88 об.